

Новый Перевод

Роберт Стивенсон

ОСТРОВ

- СОКРОВИЩ -

перевод Алексея Козлова

МЭЛ

Роберт Стивенсон
Остров Сокровищ.
Перевод Алексея Козлова

«Издательские решения»

Стивенсон Р.

Остров Сокровищ. Перевод Алексея Козлова / Р. Стивенсон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931917-3

Новый адаптированный перевод Алексея Козлова бессмертной книги Роберта
Луиса Стивенсона «Остров Сокровищ», сочинение 1882 года.

ISBN 978-5-44-931917-3

© Стивенсон Р.
© Издательские решения

Содержание

Читателю	6
Часть Первая. СТАРЫЙ ПИРАТ	7
Глава 1	7
Старый морской пёс в трактире «Адмирал Бенбоу»	7
Глава 2	11
Чёрный Пёс появляется и исчезает	11
Глава 3	15
Чёрная Метка	15
Глава 4	19
Пиратский сундук	19
Глава 5	22
Конец Слепца	22
Глава 6	25
Документы Капитана	25
Часть Вторая. МОРСКОЙ КОК	29
Глава 7	29
Я еду в Бристоль	29
Глава 8	33
«Подзорная Труба»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Остров Сокровищ Перевод Алексея Козлова

Роберт Стивенсон

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

© Роберт Стивенсон, 2020

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4493-1917-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Читателю

Старая, вспомнишь ты едва ль
Места, где в юности воскрес
И золотые острова
И мрак могил и злата блеск.
Матроса, вспомнившего вдруг
Про холод, жар далёких стран,
Пирсы и плен, что полон мук.
Сундук, или пустой карман,
Лихие песни моряка,
Блеск солнца и небес лазурь
И как упорная рука
Латает парус после бурь.
Не могут даже короли
И их заснеженная рать
Надёжную юдоль земли
На рай дощатый променять
И данью взяв свою судьбу
Ты обязался честно жить,
Вести за золото борьбу
И одному всех победить!

Часть Первая. СТАРЫЙ ПИРАТ

Глава 1

Старый морской пёс в трактире «Адмирал Бенбоу»

Сквайр Трелони, доктор Ливси, и все остальные джентльмены просили меня записать все важные подробности об Острове Сокровищ с начала и до конца, не сохраняя в тайне ничего, кроме координат острова, и то только потому, что далеко ещё не все ещё сокровища вывезены оттуда. Итак, я беру перо в этот благодатный 17.. год и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда мой отец держал трактир «Адмирала Бенбоу», а старый задубелый от загара моряк с сабельным шрамом на лице снял угол под крышей нашего дома.

Я помню его, как будто это было вчера, помню, как он подходит к двери гостиницы, помню его сундук, который за ним вёзли в ручной тележке – это был высокий, сильный, грузный, коричневый от загара мужчина. Его смоляная косичка падала через плечо его грязного голубого кафтана, его руки были оборваны и покрыты шрамами, с черными, поломанными ногтями, и корявый сабельный шрам пересекал его грязную, бледную щеку. Я помню, как он оглядел вывеску гостиницы и засвистел про себя, а затем во весь голос разразился старой морской песней, которую потом так часто пел:

«Пятнадцать человек на сундук мертвяка!
Йо-хо-хо, йо-хо-хо, и бутылка рома!»

Пел он высоким, дребезжащим голосом, который звучал, как старые, скрипучие, давно не смазанные дверные петли. Он стукнул в дверь ручкой своей толстой палки, и когда появился мой отец, грубо потребовал стакан рома. Заполучив свой стакан, он медленно осушил его, как знаток, смакуя напиток на вкус и глядя сквозь стакан на скалы и на нашу вывеску.

– Здесь удобная бухта, – наконец сказал он, – И приятный трактир! Народ валит, приятель?

Мой отец ответил ему:

– Нет, к сожалению, посетителей очень мало!

– Ну, тогда, – радостно сказал он, – это как раз для меня! Эй, малый, – крикнул он человеку, который сзади катил тележку, – Иди сюда и помоги мне поднять сундук! Я буду здесь недолго! – продолжил он, – Я простой человек: ром, бекон и яйца – это всё, что мне нужно, да прогуляться туда, откуда видны корабли! Как тебе называть меня? Зови меня просто Капитаном! О, я вижу, что тебе нужно! – и с этими словами он бросил на порог три или четыре золотых дублона. – Когда придёт срок, закатайся ко мне снова! – сказал он свирепо, выглядя как настоящий закопёрщик.

И действительно, несмотря на потрёпанный наряд и грубую речь, у него был вид человека, привыкшего повелевать. Он не был похож на простого матроса, и скорее производил впечатление помощника капитана или шкипера с тяжелой на расправу дланью. Человек, вёзший его тележку, сказал нам, что утром он прибыл в почтовом дилижансе и высадился у гостиницы «Король Джордж», и там долго шатался и выспрашивал у всех, какие гостиницы расположены вдоль побережья? Как я полагаю, услышав о нашем трактире несколько хороших отзывов, и учитывая его отдалённость, он и выбрал его для своего пребывания. Это было то небольшое, что нам удалось узнать о нашем новом госте.

Капитан был жутко неразговорчив, и обычно слова из него нужно было вытягивать клещами. Целыми днями он шлялся около бухты или торчал на скалах со старой латунной подзорной трубой, а по вечерам тихо сидел в углу гостиной, рядом с очагом, попивая в изрядных количествах разбавленный ром. При этом он почти ничего не говорил, а когда заговаривал, то только внезапно, яростно закатывая глаза и при этом сопел носом, как старый корабельный гудок. Скоро и мы сами, и наши посетители привыкли к нему так, как будто он появился в нашем доме раньше нас самих. Каждый день, возвращаясь с прогулки, он угрюмо спрашивал меня, не видел ли я каких-нибудь моряков на дороге. Сначала я думал, что эти расспросы от одиночества и отсутствия человеческого общения, но потом понял, что он, наоборот, скорее избегает кого-то. Я заметил, что когда какой-нибудь моряк направлялся к «Адмиралу Бенбоу» (куда им ещё было забрести по дороге в Бристоль?), он всегда пристально рассматривал его через дверную занавеску, и только после этого заползал в гостиную. Можно было быть уверенным до конца вечера, что он будет вести себя при таком госте тихо, как мышь.. Для меня, по крайней мере, не было никакой тайны в его поведении, потому что он как-то поделился со мной своими тайными тревогами. Однажды он отвел меня в сторону и пообещал мне четыре пенни серебром с выплатой первого числа каждого месяца, если я буду присматривать за появлением любого моряка на одной ноге, и сразу дать знать ему, как только такой тип объявится в округе. Довольно часто, когда наступало первое число, и я забредал к нему за моей зарплатой, он только сильнее сопел носом и в ярости ел меня глазами, но надо отдать ему должное, до того, как неделя заканчивалась, он обязательно приносил мне мой четырехпенсовик, бесконечно повторяя свою нотацию, чтобы я ни в коем случае не упустил «одноногого моряка» из виду.

Я не смогу передать вам, как этот тип терроризировал мои сны. В бурные ночи, когда ветер сотрясал дом со всех сторон, и валы в бухте взмывали до самых скал, я видел его в тысячах жутких видов и положений, с тысячами дьявольских выражений на лице. Иногда его нога была срезана до колена, иногда до бедра, порой он становился чудовищным существом, у которого никогда ничего не было, кроме одной ноги, да и та была в середине тела. Сон, когда он прыгал и бежал на одной ноге, преследуя меня через изгороди и канавы – был худшим из кошмаров. И вообще, я заплатил довольно дорогой ценой за свой ежемесячный четырехпенсовый гешефт, заплатил этими жуткими сновидениями.

Но хотя я и был до полусмерти напуган видениями одноногого моряка, самого капитана я всё же боялся гораздо меньше, чем кто-либо из окружающих. Были ночи, когда ром и вода переставали помещаться в его голове, и тогда он, никого не боясь, сидел в гостиной и порой запевал свои древние, злые, дикие морские песни. В такие дни он иногда цеплял очки на нос и заставлял всю дрожащую компанию слушать его жуткие истории или хором подпевать какой-нибудь морской песне. Часто я слышал, как дом дрожит от «Йо-хо-хо и бутылки рома». Всем его соседям не очень хотелось расставаться с жизнью, и под страхом смерти каждый из них старался петь громче других, чтобы избежать последствий капитанского гнева. В этих припадках капитан был невероятно страшен – то с криком «Молчать!» он с чудовищной силой ударял кулаком по столу, то выплёскивал на всех свой гнев за то, что ему перечили, или наоборот становился свирепым за глупые вопросы к нему. А всё потому, что он считал, что никто не слушает его рассказы. И при этом он никому не позволял покидать гостиную, пока не напивался вдрызг и не валился с ног на пол.

За все время, что капитан жил у нас, он ходил только в своей старой, почти истлевшей одежде, за исключением чулок, которые он порой покупал у местного торговца. В конце концов поля его ветхой шляпы опали, и висели с того дня, закрывая ему глаза, хотя это было большим неудобством при сильном ветре. Я помню его кафтан, которое он постоянно латал наверху в своей комнате, и который в конце концов превратился просто в коллекцию разноцветных заплат. Он никогда никому не писал писем и сам не получал их. Он не говорил почти ни с кем,

кроме соседей, да и с ними, по большей части, только напившись до чёртиков. И никто никогда не видел его большой морской сундук открытым.

Единственный случай, когда ему дали отпор, случился во время тяжёлой болезни, незадолго до смерти моего отца, когда мой бедный отец был уже очень плох. В тот день доктор Ливси пришел к нам поздно вечером, чтобы осмотреть пациента, после осмотра заказал обед у моей матушки и пошел в гостиную, чтобы выкурить трубочку, пока не приведут лошадь из деревни. Тогда мы в «Старом Бенбоу» не держали лошадей. Я последовал за ним в гостиную, и помню, как мне бросилось в глаза отличие опрятного, щегольски-одетого доктора, с его белоснежным париком, яркими, живыми, черными глазами и приятными манерами джентльмена от жалких простолюдинов, которыми к тому времени был полон наш трактир, и прежде всего, от этого грязного, тяжеловесного, похожего на садовое чучело пирата, который, наюзюкавшись ромом сидел, навалившись грудью на стол.

Вдруг он, как истинный капитан, начал горланить свою вечную песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвяка!
Йо-хо-хо, и бутылка рома!
Пей и дьявол тебя доведёт до сука!
Йо-хо-хо, и бутылка рома!

Сначала я полагал, что «сундук мертвяка» – это тот же самый здоровенный сундук, который поднимали в комнату капитана, и эта мысль смешалась в моих кошмарах с ночным одноруким моряком. Но к этому времени мы все давно перестали обращать внимание на эту песню – она была новинкой в ту ночь только для доктора Ливси, и на него, я заметил, она не произвела особо благоприятного впечатления, потому что он очень сердито посмотрел на капитана, прежде чем продолжить разговор со старым Тейлором, садовником. Они говорили тогда о новом лекарстве от ревматизма. Тем временем капитан постепенно вошёл в угар от своей собственной музыки и, наконец, со всех сил ударил кулаком по столу, что, как мы все это знали, означало тишину. Голоса мгновенно стихли, и замолчали все, кроме доктора Ливси, он продолжал, как прежде, говорить громким, ясным и добрым голосом, при этом энергично попыхивая трубочкой между каждым словом или двумя. Капитан некоторое время смотрел на него, снова хлопнул в ладоши, посмотрел еще пристальнее и, наконец, разразился злобным замечанием, произнесённым придушенным, низким голосом:

– Молчать на нижней палубе!

– Вы обращались ко мне, сэр? – спросил доктор. И когда хулиган снова поклялся ему, что это так:

– Я одно хочу сказать вам, сэр, – ответил доктор, – что если вы продолжите пить ром, мир скоро избавится от самого грязного негодяя на свете!

Ярость старикана была ужасна. Он вскочил на ноги, выхватил и открыл матросский складной нож, и намертво сжав его в кулаке, пригрозил пришить доктора к стене.

Доктор даже с места не сдвинулся. Он говорил с капитаном, как и прежде, через плечо, таким же голосом, громким настолько, что все комнаты могли всё слышать, но при этом оставался совершенно спокойным:

– Если ты сейчас же не положишь нож в карман, сукин сын, клянусь честью, ты будешь висеть на первом же суке в округе!

Затем последовала битва взглядов между ними, но капитан вскоре отвёл глаза, опустил оружие и занял свое обычное место, повизгивая, как побитая собака.

– А теперь, сэр, – продолжал доктор, – поскольку мне выпало счастье узнать, что в моем округе живёт такой интересный человек, как вы, вы можете рассчитывать, что я буду присматривать за вами днем и ночью. К вашему сведению! Я не только врач, я ещё и магистрат, и если

я подам на вас жалобу, как только вы пошевелинете хоть пальцем в неверном направлении, как вы сделали сегодня, я найду эффективные средства, чтобы вас выследили и удалили отсюда навсегда. Больше мне к сказанному добавить нечего!

Вскоре после этого лошадь доктора Ливси подвели к двери, он собрался и уехал, но капитан утомился так, что был тих не только тем вечером, но и много вечеров после.

Глава 2

Чёрный Пёс появляется и исчезает

После этого, спустя совсем немного времени произошло первое из таинственных событий, которые избавили нас, наконец, от капитана, хотя, как вы увидите – не от его делишек.

Стояла холодная, тяжёлая зима, с долгими, трескучими морозами и затяжными штормами. С самого начала её нам стало ясно, что моему бедному отцу вряд ли удастся дотянуть до весны. Он слабел день ото дня. Мы с матерью с трудом удерживали нашу гостиницу на плаву, и были столь отягощены делами, что не обращали ни малейшего внимания на нашего неприятного гостя.

Это случилось ранним январским морозным утром. Бухта, серая от инея, терялась вдали. Морская рябь мягко стлалась к камням. Солнце все еще низкое, только касалось холмов и мутно светило высоко над морем. Капитан поднялся раньше обычного и отправился вниз по пляжу, его косичка развевалась над лохмотьями его синего френча, его медный телескоп был зажат под мышкой, его шляпа свалилась на затылок. Я помню, когда он уходил, что его дыхание висело перед ним туманным облачком, и последним звуком, который пришёл от него, когда он уже почти завернул за большую скалу, было громкое фырканье негодования, как будто он все еще заочно сражался с доктором Ливси.

Ну, в тот момент, когда мама была наверху с отцом, а я накрывал стол для завтрака к возвращению капитана, дверь гостиной открылась, и вошел человек, которого я никогда раньше не видел. Он был бледным, сухопарым существом, лишённым двух пальцев на левой руке, и хотя он носил на поясе кортик, он ничем не походил на старого, испытанного жизнью бойца. У меня к тому времени глаз был набит на моряков, с одной или двумя ногами, и я помню, что этот тип озадачил меня. Он совершенно не походил на моряка, но дух моря, привкус моря так и шёл от него мощными пульсирующими волнами.

Я спросил его, чем могу быть полезен, и он сказал, что возьмет рому, но когда я спешил из комнаты, чтобы принести ему его заказ, он сел на стол и приказал мне подойти. Я остановился там, где был, с салфеткой в руке.

– Иди-ка сюда, сынок! – сказал он, – Подойди-ка ко мне поближе!

Я приблизился на один шаг.

– Это столик моего приятеля Билли? – спросил он с видом короля Лира.

Я сказал ему, что не знаю никакого друга Билла, а стол накрыл для человека, который живёт в нашем доме, и мы зовём его Капитаном.

– Ну, – сказал он, – моего приятеля Билли можно назвать и капитаном, почему бы и нет? У него шрам на щеке и такие приятные манеры обращения, особенно он хорош рядом с бутылкой! Вот чем славен мой приятель Билл. А я утверждаю, например, что у вашего капитана тоже есть шрам на щеке – и я добавлю, если позволите, что эта щека правая. А, ну! Я же говорил! Теперь мой приятель Билл поживает в этом доме? У меня есть сюрприз для моего помощника – маленького Билли! – сказал он с таким видом, что мне стало немного не по себе.

Я сказала ему, что наш гость пошёл гулять.

– Куда он пошёл, сынок? В какую сторону? – ласково спросил он меня.

И когда я указал на скалу, на которой обычно стоял капитан, и сказал ему, что капитан, вероятно, вернется очень скоро, он задал мне ещё несколько вопросов, на которые мне пришлось отвечать.

– А когда он вернётся? – спросил он и добавил, – Эх! Билл будет рад мне так же, как своей выпивке!

Я бы не назвал выражение его лица, когда он произносил эти слова, особенно приятным, и у меня были все основания думать, что капитан тоже вряд ли обрадуется визиту незнакомца, когда увидит его.

«Ну это всё не моё дело!» – подумал я. Кроме всего прочего, мне было трудно сообразить, что делать в подобной ситуации. Незнакомец всё время торчал прямо у двери гостиницы, постоянно заглядывал за угол, как кошка, караулящая мышь. Как-то я вышел на дорогу, но он тут же позвал меня. Я не очень-то спешил исполнять его прихоть, и вдруг увидел его искажённое яростью лицо, да так, что мне пришлось отпрыгнуть назад. Однако как только я исполнил его прихоть, он вернулся к своей прежней манере, наполовину подхалима, наполовину насмешника, ласково похлопал меня по плечу, сказал мне, что я хороший мальчик, и что я ему очень понравился.

– У меня есть сынок, – сказал он, – и вы похожи, как два пальца. Я горжусь им! Но величайшей ценностью для мальчиков является дисциплина! Для сына главное дисциплина! Теперь, если бы ты плывал с Биллом, ты бы не стоял там, и тебе не пришлось бы повторять дважды. Так Билли никогда не делал, да и те, кто был с ним. А, вот и мой друг Билли, с подозрительной трубой под мышкой, да будет он благословен в деяниях своих! Да святится имя его! Мы с тобой сейчас вернемся в гостиную, сынок, и спрячемся за дверь, сделаем Биллу маленький сюрпризик – благослови его бог!

Сказав это, незнакомец резко оттолкнул меня в гостиную и поставил в углу позади себя, так что теперь мы оба были скрыты открытой дверью. Вы представляете, как я был очень взволнован и встревожен! И вскоре мои страхи только возросли, когда я понял, что незнакомец тоже сильно испуган. Он расчехлил рукоять своего кортика, вынул его наполовину из ножен, и все время, что мы ждали там, он продолжал сглатывать горлом, как будто в горле у него застрял кол.

В конце концов, войдя, капитан захлопнул за собой дверь, и не глядя ни на кого, и прошел прямо через гостиную к своему месту, где его ждал завтрак.

– Билл! – сказал незнакомец голосом, который, как я думал, он пытался сделать бодрым и громким.

Капитан крутанулся на пятке и бросил взгляд на нас – краснота схлынула с его лица, и даже его нос стал синюшным; у него был взгляд человека, который видит призрака или чёрта в человеческом облике, или что-то еще похуже, если такое существует в природе, и честно говоря, мне стало его жалко, потому что он все в одно мгновение стал таким старым и больным.

При этих словах у капитана отвалилась челюсть.

– Черный Пес! – прошептал он.

– А кто же еще по твоему? – ввернул незнакомец, явно приободрившись, – Черный Пес, как всегда, пришел, чтобы увидеть своего старого друга Билли, увидеть его в таверне «Адмирал Бенбоу». Эх, Билли, Билли, как давно мы не виделись, с тех пор, как я потерял два когтя! – сказал он, поднимая свою изуродованную руку.

– Ладно! Смотри сюда! – сказал капитан, – Ты меня настиг, вот я перед тобой, хорошо, говори, зачем пожаловал?

– Так это ты, Билл..., – ответил Черный Пес, – Узнаю тебя! Ты прав, Билли! Я выпью стакан рома, который мне сейчас принесёт этот добрый мальчик, я почти полюбил его, и мы сядем с тобой, пожалуй, и поговорим начистоту, как старые морские волки!

Когда я вернулся с бутылкой, они уже расположились за столом напротив друг друга – Черный Пес сидел рядом с дверью боком, чтобы, я думаю, одним глазом обзирать своего старого напарника, а другим посматривать на дверь – как я думал, путь к бегству.

Он велел мне уйти и оставить дверь открытой.

– Твои замочные скважины не для меня, сынок! – сказал он, и я оставил их вместе и ушел в бар.

Хотя я, конечно, делал все возможное, чтобы расслышать, о чём они там говорят, долгое время я не слышал ничего, кроме невнятного шума, но, наконец голоса стали громче, резче, и я уже мог разобрать слово или два, в основном это была мерзкая ругань капитана.

– Нет! Нет! Нет и нет! И довольно об этом! – орал он.

И снова:

– Я сказал! Если дело дойдёт до виселицы, пусть висят все!

Затем внезапно раздался взрыв ругательств невиданной силы, потом громкий хлопок и треск – это стул и стол с грохотом опрокинулись, затем послышался звон клинков, и наконец – крик боли. В следующее мгновение я увидел Черного Пса стремительно убегающим от капитана, а капитана – преследующим его. В руке у капитана сверкал клинок, а из левого плеча Чёрного Пса потоком лилась кровь. Прямо у двери капитан нацелился достать беглеца последним страшным ударом, который, несомненно, разрубил бы голову несчастного пополам, если бы удар не пришёлся по вывеске нашего прекрасного «Адмирала Бенбоу». Вы и по сей день можете увидеть глубокую выемку на нижней стороне рамы.

Это был последний удар в битве. Выскочив на дорогу, Черный Пес, несмотря на рану, показал замечательную частоту своих каблуков и через полминуты скрылся за краем холма. Капитан, со своей стороны, стоял, глядя на вывеску, как совершенно сбитый с толку человек. Затем он несколько раз провел рукой по глазам и, наконец, вернулся в дом.

– Джим! – сказал он, – Рому!

Сказав это, он сильно пошатнулся и опёрся рукой о стену.

– Вам больно? – закричал я.

– Ром! – повторил он, – Ром! Я должен убраться отсюда! Ром! Ром!

Я побежал, чтобы принести ему рома, но так волновался, что мои руки тряслись. Из-за этого я разбил один стакан и напоролся на кран, и, пока наполнял ромом второй стакан, я услышал громкое падение в гостиной. Вбежав в гостиную, я увидел капитана, лежащего на полу. В это же мгновение моя мать, встревоженная криками и драками, побежала вниз, чтобы помочь мне. Мы посмотрели друг на друга. Он хрипел очень громко и тяжело, его глаза были закрыты, а лицо приобрело ужасный цвет.

– Дорогой мой! Дорогой! – воскликнула моя мать, – Какой позор для дома! А твой бедный отец болен!

В тот момент мы понятия не имели, что делать, чтобы помочь капитану, и нами овладела только одна мысль, что он получил смертельную травму в драке с незнакомцем. Я попытался влить ром в его горло, но его рот был закрыт, а зубы сжаты железной хваткой. Мы испытали огромное облегчение, когда дверь открылась, и появился доктор Ливси, пришедший навестить моего больного отца.

– О, доктор! – воскликнули мы, – Что нам делать? Куда он ранен?

– Ранен? Конец скрипичной палочки! – сказал доктор, – Он не более ранен, чем вы или я. Человек получил инсульт, как я его и предупреждал. Итак, миссис Хокинс, успокойтесь! Просто идите наверх к своему мужу и не говорите ему, если возможно, ничего об этом деле. Со своей стороны, я должен сделать все возможное, чтобы спасти ничтожную жизнь этого негодяя! Джим, неси мне таз!

Когда я вернулся с тазом, доктор уже разорвал рукав куртки капитана и обнажил его большую жилистую руку. На ней была в нескольких местах нанесена татуировка. «На удачу!», «Попутного Ветра» и «У Билли Бонса Всё сбудется!» были очень аккуратно и четко исполнены на предплечье синими чернилами; а рядом с плечом был вид виселицы и человека, повисшего на верёвке – сделано это было, как я подумал, с большим знанием дела и хотелось бы сказать – мастерством.

– Пророческая картина! – сказал доктор, касаясь пальцем изображения.

– А теперь, мистер Билли Бонс, если ваше имя на самом деле таково, мы посмотрим на цвет вашей крови! Джим, – сказал он, – ты боишься крови?

– Нет, сэр! – ответил ему я.

– Хорошо, тогда... – сказал он, – держи таз!

И с этими словами он взял ланцет и вскрыл вену.

Из капитана вытекло чёрт знает сколько крови, пока он не очнулся, не открыл глаза и не посмотрел вокруг мутным взором.

Первым он безошибочно узнал доктора и нахмурился, затем его взгляд упал на меня и он сразу успокоился. Но потом внезапно налился кровью, и он попытался приподняться, крича:

– Где Чёрный Пёс?

– Здесь нет никакого чёрного пса, – сказал доктор, – за исключением того, который сейчас лежит на спине и вращает глазами! Вы пили ром, у вас был инсульт, именно так, как я предсказал вам! И я просто, весьма против моей собственной воли, вытащил вас из могилы. Итак, Мистер Бонс... —

– Это не мое имя! – перебил капитан.

– Мне все равно, – ответил доктор, – Я знаком с пиратом, у него такое имя, ради краткости я буду называть вас так, и вот что я должен сказать вам: один стакан рома не убьет вас, но если вы выпили один, за ним потянутся еще и еще, и я ставлю свой парик, если вы не остановитесь, короче, вы умрете – вы понимаете это? – умрете и попадете туда, куда вам уготовано попасть по Библии! Прямоком в Ад! Вы рады? Ничего, есть места и похуже, как я полагаю! Давайте, сейчас попробуйте подняться, сделайте усилие. Я помогу вам лечь в постель!

Между нами говоря, с очень большим трудом, нам всё же удалось поднять капитана наверх, и положить на кровать, где его голова тут же бессильно упала на подушку, как будто он потерял сознание.

– Теперь, замечу, – сказал доктор, – я очистил свою совесть, знайте – слово «ром» для вас в переводе на английский означает «смерть»! Понятно?

После этого он взял меня за руку, чтобы идти осматривать моего отца.

– Ничего серьёзного! – сказал он, плотно закрыв за собою дверь, – Я выпустил из него достаточно крови, чтобы он на некоторое время замолк, но он должен лежать в течение недели, не вставая – это лучшее, что я могу сделать для него и вас! Но следующий инсульт утомит его навсегда!

Глава 3

Чёрная Метка

Около полудня я подошёл к капитану с питьём и лекарствами. Он лежал в том же положении, как и раньше, только немного повыше, чем раньше, и казался очень слабым, одновременно находясь в сильном возбуждении.

– Джим! – сказал он, – Ты единственный, кто навестил меня, и ты знаешь, что я всегда был добр к тебе. Месяца не прошло, как я дал тебе четыре пенни серебром. И теперь ты сам видишь, приятель, что я болен и покинут всеми. Джим! Ты принесёшь мне один стаканчик рому, не так ли, приятель?

– Доктор, – начал я... Но он прервал меня, проклиная доктора, слабым голосом, но от всего сердца.

– Доктора – все сухопутные клистиры! – сказал он, – Что может знать о морях какой-то докторишка? Я был в местах, горячих, как расплавленная смола, и товарищи валились вповалку от Желтого Джека (тропическая лихорадка), и благословенная земля вздымалась, как море от жутких землетрясений – что доктор может знать о таких землях? И там я лечился только ромом, клянусь вам всеми святыми. Ром был для меня и мясом и питьём, и отцом и женой, и матерью и если я не получу его сейчас же, я стану старым фрегатом, выброшенным на пустынный берег, и кровь моя будет на тебе, Джим, и этом сморщенном докторском клистире!

Потом какое-то время он продолжил изрыгать отборные проклятия.

– Послушай, Джим! Мои пальцы трясутся – продолжал он умоляющим тоном, – Как ты думаешь, у меня нет пляски Святого Витта? Видишь, я не могу совладать с этой трясучкой. В такой благословенный богом день у меня не было ни маковой росинки во рту! Боже мой, до чего же я дошёл из-за таких, как он! Я говорю тебе, этот доктор дурак. Если я не волью в себя порцию рому, Джим, меня замучают кошмары! Я уже видел их! Я видел старого Флинта в углу, за тобой так же ясно, как наяву, я видел его; и если начнутся кошмары, я превращусь в зверя, буду хуже Каина. Твой чортов доктор сказал, что один стакан не повредит мне. Я дам тебе за это золотую гинею! Джим! Только одна кружечка! Всего одна!

Хотя я и был оскорблён предложением взятки, меня успокаивали слова доктора о том, что один стакан рома капитана не убьёт.

– Мне не надо твоих денег, – сказал я, – но ты должен отцу! Верни его деньги! Хорошо? Я принесу тебе один стакан, и не более того!

Когда я принес ему его стакан, он жадно схватил его и тут же выпил.

– Да, да, – сказал он, – теперь мне полегчало, конечно. А теперь, дружок, что сказал этот доктор, как долго я должен лежать здесь, как корабль на этом разбитом причале?

– По крайней мере, с неделю! – говорю я.

– Гром и молния! – воскликнул он, – Неделя! Я не могу этого сделать; к тому времени мне кинут черную метку. Они уже собираются навестить каким-нибудь благословенным деньком, они не сохранили то, что получили, и хотят прибрать теперь то, что есть у других. Разве это поведение моряка, хочу я знать? Но я спасу свою душу! Я никогда не тратил впустую честно заработанные деньги и не желаю терять их впредь! Я снова надую их! Я не боюсь их! Я снова покину этот риф и, клянусь матерью, оставлю их всех в дураках!

С этими словами, говорил, он стал приподниматься с постели с таким большим трудом, держась за плечо с такой жестокой хваткой, что я едва не кричал от боли и навалившегося на меня веса. Его слова, энергичные, как всегда, при этом грустно контрастировали с тем едва

слышным, слабым голосом, каким они теперь их произносились. Когда ему наконец удалось сесть, он сделал длинную паузу, а потом стал бормотать.

– Этот доктор сгубил меня! – прошептал он, – Напел в мои уши! Сглазил меня! Помоги мне лечь!

Прежде чем я успел что-то сделать, чтобы помочь ему, он снова вернулся на свое прежнее место, и некоторое время молчал.

– Джим, – сказал он наконец, – ты видел этого моряка сегодня?

– Черного Пса? – спросил я.

– Ах! Черный Пёс! – повторил за мной он, – Он плохой, но есть еще хуже. Знаешь, если я не смогу уйти отсюда сегодня, они подкинут мне черную метку, заметь, мой старый морской сундук, они идут за ним, ты сразу скачи отсюда на лошади – ты сможешь, не так ли? Ну, тогда ты садись на лошадь и скачи... ну, да! – к этому вечному клистирному докторишке и скажи ему, чтобы он трубил во все трубы – поднял на уши все магистратуры и судей – надо накрыть всех этих крыс на борту «Адмирала Бенбоу» – всех членов экипажа старого Флинта, всю эту банду, старых и молодых, всех, кто ещё остался жив! Я был первым помощником, я был им, я старый шкипер Флинта, и я тот, кто знает это место! Он открыл его мне в Саванне, когда умирал, так же, как я сейчас, вы видите. Но ты не будешь молодцом, если они не получат от меня черную метку, или если ты не увидишь, что Черный Пёс моряк с одной ногой снова здесь, или... Джим – это прежде всего... Опасайся одноногого больше всего, Джим!

Сказав это с большим напряжением, он тяжело и с большим трудом встал с постели, вцепившись в моё плечо мёртвой хваткой, которая почти заставляла меня вскрикивать и двигал ногами, почти как манекен.

– Что такое черная метка, капитан? – спросил я.

– Это приговор, приятель. Я скажу тебе, если они пришлют её! Но ты держи глаз открытым, Джим, и я поделюсь с тобой половиной всего, что у меня будет, положишься на мою честь!

Он бредил всё сильнее, его голос становился все слабее; но вскоре после того, как я дал ему лекарство, которое он взял, как ребенок, он вдруг заметил:

– Если где-либо моряк круглые сутки напролёт хотел чортова зелья, то это был я!

Наконец он впал в тяжелый, мучительный обморочный сон, и я оставил его. Всё ли я сделал правильно из того, что должен был сделать, я не знаю! Вероятно, мне следовало рассказать всю историю врачу, но я был в смертельном страхе, чтобы капитан не раскаялся в своих признаниях и не прикончил меня. Но всё складывалось по-другому. Поздно вечером умер мой бедный отец, и мы с матерью забыли обо всём остальном. Наше бедствие, визиты соседей, похороны и вся работа на постоялом дворе, которая не могла не продолжаться, удерживали меня настолько занятым, что я едва успевал подумать о капитане, и потому гораздо меньше, чем раньше бояться его.

На следующее утро он спустился вниз, и, как обычно позавтракал, хотя и без обычного аппетита. На сей раз он сам орудовал в баре, и я боялся, что он переборщит с ромом. Пил он хмуро, трубя в нос, и разумеется, никто не осмелился остановить его. В ночь перед похоронами он был пьян, как обычно. Находясь в глубоком трауре, мы были шокированы тем, что он стал петь свою уродскую морскую песню; но теперь — слабым голосом. Несмотря на это, мы находились в состоянии страха, доктора ждать не приходилось – его вызвали к больному за много миль от нас. Тем более, что после смерти отца у него не было поводов посещать нас. Я уже сказал, что капитан как-то ослаб, и действительно, он, казалось, с течением времени скорее слабел, чем набирался сил. Он тяжело взбирался по лестнице и выходил из гостиной в бар, и иногда выставлял свой нос на двери, чтобы почувствовать запах моря, но уже держась за стену, и тяжело дыша, как человек, штурмующий горы. Он никогда особо не обращался ко мне, и мне кажется, уже забыл свои доверительные беседы со мной, как забыл его доверчивость, его характер стал ещё более вспльчивым, несмотря на его растущую слабость. Тревога

не оставляла его, когда он был пьян, то вытаскивая свой кинжал и держал его перед собой на столе. Но при всем этом он всё меньше и меньше думал о людях и, казалось, заперся в своих блуждающих с страшных видениях. Однажды, например, к нашему крайнему удивлению, он начал насвистывать мотив древней любовной песенки, которую, должно быть, знал и насвистывал в далёкой юности, прежде чем связал свою жизнь с морскими приключениями.

Так обстояли наши дела. На следующий день после похорон и около трех часов сумрачного, туманного, необычайно морозного дня, я на мгновение застыл у двери, полный грустных мыслей о моем отце, когда увидел, как кто-то медленно ковыляет рядом с дорогой. Человек был совершенно слеп, он всё время постукивал перед собой палкой и носил большие зеленые очки на глазах и носу; и он горбился, как будто согнутый возрастом или слабостью, носил огромный старый потрепанный морской плащ с капюшоном, который заставлял его казаться ещё уродливее. В своей жизни я никогда не видел более страшной фигуры. Он немного притормозил у гостиницы и, подняв голос в странной песне, стал подвывать: «Любо-ойй добрый дру-уг сообщ-и-ит бе-едному слепому человеку-у, который потерял драгоценноеееее зрение своего гла-аза в милостивой защите его родной страныыыыы, Англии – и Бог благослови-ит короля Георга-га! – где и в какой части этой страны я теперь оказался-а?»

– Ты в «Адмирале Бенбоу», что у бухты Черная Гора, добрый человек! – сказал я.

– Я слышу голос, – сказал он, – молодой голос! О, как он хорош! Как приятен этот юный голос! Вы дадите мне свою руку, мой добрый молодой друг, мой юный спаситель, и отведёте меня туда?

Я протянул руку, и ужасное, мягкое, безглазое существо сжало её за какое —то мгновение в железные тиски. Я был так поражен происходящим, так испуган, что изо всех сил попытался убежать, но слепой прижал меня к себе одним движением стальной руки.

– Теперь, мальчик, – сказал он скрипучим страшным голосом, – а ну-ка отведи-ка меня к капитану! Да пошустрее!

– Сэр! – сказал я, – Честное слово, я не осмелюсь!

– О, – усмехнулся он, – вот и все, что может сказать этот лентяй! А ну-ка! Мальчик! Ты меня плохо слышишь? Отведи меня прямо сейчас к капитану, или я вырву тебе руку!

И он сделал мне, как говорится, «ключ», от которого я стал истошно вопить.

– Сэр, – сказал я, – Я боюсь не за себя, а за вас. Капитан сейчас совсем не тот, каким он был прежде. Перед ним всегда лежит кинжал. Другой джентльмен... —

– Марш! Я сказал – марш! – прервал он меня. Клянусь, я никогда не слышал такого жестокого, холодного и страшного голоса, как этот глухой хрип. На меня тот голос подействовал сильнее, чем боль, и я стал повиноваться ему сразу. Мы направились прямо к двери и в гостиную, где сидел наш больной старый пират, уже изрядно приторможенный ромом. Слепой сжимал меня железной хваткой, и всё более наваливался на меня всей своей невероятной тяжестью.

– Подведи меня прямо к нему, и когда я буду в поле зрения, крикни: «Вот твой друг Билли!» Если ты этого не сделаешь, я сделаю вот что...», и с этими словами он снова мне так заломил мне руку, что я чуть не потерял сознание. Между тем, я был в таком ужасе от слепого нищего, что мой ужас перед капитаном сам собой испарился, и когда я открыл дверь в гостиную, то тут же закричал слова, которые нищий слепец приказал мне горланить.

Бедный капитан раскрыл глаза, и на мгновение они совершенно вылезли на лоб. Было видно, как ром моментально выветрился из него и резво протрезвил его разум. Но не ужас, а скорее выражение какой-то смертельной болезненности овладело его лицом. Он сделал движение, чтобы подняться, но я не верил, что у него было достаточно силы для этого.

– Теперь, Билл, сиди на месте! – сказал нищий, – Если я не вижу, это ничего не значит, зато я слышу, как шевелится каждый твой палец. Дело есть дело. Дай мне свою левую руку. Мальчик, возьми его левую руку за запястье и придвиньте его руку ко мне.

Мы оба повиновались его указаниям, и я увидел, как он что-то пропустил из полости руки, которая держала палку – в ладонь капитана. Капитан мгновенно закрыла ладонь.

– А теперь это уже сделано! – сказал слепой. и с этими словами ослабил свою дьявольскую хватку, оттолкнул меня и с невероятной быстротой и ловкостью выскочил из гостиной и в дорогу, где я, всё ещё оледенелый от ужаса, слышал, как его палка постукивала по брусчатке, быстро удаляясь от нас.

Прошло какое-то время, прежде чем я и капитан наконец пришли в себя, но, наконец, в тот же самый момент, когда я выпустил его запястье, он резко открыл ладонь и глянул на неё.

– Десять часов! – воскликнул он, – Осталось шесть часов! Мы сделаем их еще, Джим! – крикнул он и вскочил на ноги.

Но как только капитан встал, он вдруг пошатнулся, схватился рукой за сердце, некоторое время раскачивался, а затем, со странным глухим звуком упал и с силой ударился лицом в пол.

Я сразу же подбежал к нему, стал звать мать. Но спешка была напрасной. Капитан был сражен смертельным апоплексическим ударом. Это странно, что мне, кому никогда не нравился этот человек, кому приходилось постоянно жаловаться на него и терпеть его дикие причуды, кто страдал и сносил неудобства от его присутствия, кто тысячу раз проклинал его и хотел от него избавиться, это удивительно, но как только я увидел его нелепую смерть, я тут же залился безутешными, страшными слезами. Это была вторая смерть, которую я видел в жизни, в то время, как печаль от первой была еще свежа в моем сердце.

,

Глава 4

Пиратский сундук

Конечно, не теряя времени, я рассказал маме все, что знал, и, возможно, должен был рассказать ей всё много раньше, и мы сразу же поняли в каком сложном и опасном положении оказались. Ясно, что деньги, если таковые бы у него, должны были принадлежать нам, но вряд ли наши новые друзья – поделники капитана, прежде всего два типа, знакомые нам – Черный Пёс и слепой нищий – были бы склонны отказаться от своей добычи ради выплаты долгов мертвеца. Приказ капитана немедленно ехать к Доктору Ливси оставил бы мою мать без защиты. Об этом не могло быть и речи. Но и оставаться в доме далее было тоже невозможно. Тревожно ожидание охватило наши души. Падение углей с кухонной решетки, тихое тиканье часов наполняло нас страхом. В наших ушах гремели крадущиеся шаги за окнами. С мыслями о мертвом теле капитана на полу залы и мыслью о том, что этот отвратительный слепой нищий где-то рядом и может вернуться, с минуты на минуту, я часто вскакивал в ужасе и мне казалось, что на моей голове от ужаса встают дыбом волосы. Что-то нужно быстро делать, и нам наконец пришлось в голову отправиться вместе и обратиться за помощью в соседнюю деревушку. Сказано – сделано. Едва одевшись, в том, в чём были, мы бросились бежать сквозь ночную мглу и морозный туман.

До деревни было всего несколько сот ярдов, и хотя она была не видна за скалами бухты, меня обнадеживало, что мы бежали в противоположную сторону от той, откуда явился мерзкий слепой нищий, и куда он, Скорее всего вернулся. Мы прошли всего несколько минут, иногда останавливаясь, чтобы обнять и прислушаться. Но вокруг нас не было никаких других звуков, кроме глухого ропота прибоя и карканья ворон на деревьях. Когда мы добрались до деревни, в окнах уже горел огонь, и я никогда не забуду, как сильно меня окрылили эти маленькие живые огоньки в окнах. Но, как оказалось, это была единственная помощь, которую мы могли бы получить здесь. Ибо... вы подумайте головой, как бы людям не было стыдно, – ни одна живая душа не согласилась бы вернуться с нами к «Адмиралу Бенбоу». Чем больше мы рассказывали о наших проблемах, тем больше мужчины, женщины и дети прирастали к теплу своих домов. Имя капитана Флинта, ещё недавно совсем незнакомое мне, в деревне было хорошо известно многим и при упоминании сразу возбуждало в людях ужас. Некоторые из поселенцев, которые были на полевых работах в дальнем конце гавани у «Адмирала Бенбоу», говорили, что видели нескольких подозрительных незнакомцев на дороге и приняли их за контрабандистов, и тут же заспешили домой, чтобы покрепче запереть засовы своих дверей. Кто-то сообщил, что видел небольшое парусное судно в месте, которое все называли Дырой Китта. В этом отношении появление любого, кто был товарищем капитана, было достаточно, чтобы напугать их до смерти. Лишь несколько отпетых храбрецов выразили желание отвезти нас к доктору Ливси, но ни один не согласился участвовать в охране нашей гостиницы.

Говорят, что трусость заразительна, но с другой стороны разумные аргументы вселяют храбрость, и поэтому, когда каждый из них высказался, своё веское слово взяла моя мама.

– Я не хочу, заявила она, – терять честные деньги, которые принадлежат мне и моему осиротевшему сыну. Если никто из вас не посмеет, – сказала она, – Джим и я посмеём! Мы вернемся одни, откуда пришли, и большое спасибо вам, здоровые, неуклюжие, легкомысленные крестьяне. Пусть я погибну, но я открою сундук! И я благодарю вас за эту сумку, миссис Кроссли. В неё я положу все принадлежащие нам по закону и праву деньги!

Конечно, я заявил, что поеду вместе с матерью, и, конечно же, все они закричали, что это полное безрассудство. И конечно, с нами не пошёл ни один человек. Все, что они могли

сделать, это дать мне заряженный пистолет, если на нас нападут, и обещать, что готовы держать осёдланных лошадей на случай, если нас будут преследовать по возвращении, а один парень выразил желание отправиться к врачу в поисках вооруженной охраны.

Мое сердце колотилось всё сильнее, когда этой холодной ночью мы вдвоём отправились в опасное путешествие. Полная луна поднялась и грозно краснела поверх туманных облаков. Мы спешили, потому что кругом было ясно как днём, и наш отъезд был явно на виду враждебных глаз. Мы крались вдоль живых изгородей так бесшумно и быстро, как могли, и не и не встретили по пути ничего страшного, пока, к нашему великому облегчению, дверь «Адмирала Бенбоу» не закрылась позади нас.

Я сразу же спустил болт, и какое-то мгновение мы стояли и задыхались в полной темноте, одни с мертвым капитаном в доме. Тогда моя мать зажгла свечу в баре и, держа друг друга за руки, мы зашли в гостиную. Капитан лежал, как мы оставили его, на спине, с открытыми глазами и вытянутой рукой.

– Опустит шторы, Джим, – прошептала моя мать, – Они могут наблюдать за нами снаружи. А теперь, – сказала она, как только я это сделал, – мы должны найти ключ; кто то должен его обыскать, и я хотела бы знать, кто?! Говоря это, она громко всхлипнула.

Я сразу опустился на колени. На полу рядом с его рукой был маленький круглый клочок бумаги, чёрный с одной стороны. Я не сомневался, что это и есть Черная Метка. Взяв кружок, я нашел другой стороне бумажки написанное ясным, твёрдым почерком короткое сообщение: «У тебя срок до десяти вечера».

– У него был срок до десяти, мам! – только сказал я, как наши старые часы стали бить. Их внезапный бой потряс нас до глубины души. Но новость оказалась неплохой. Было всего шесть часов вечера.

– Теперь, Джим, – сказала она, – давай ключ!

Я обшарил его карманы один за другим. Несколько мелких монет, наперсток, катушки ниток и иглы к ним, надкушенный с краю кусок табака, укушенный в конце, нож с кривой ручкой, карманный компас чернильница – все – вот всё, что было в карманах. Я начал отчаиваться.

– Возможно, он висит на шее, – предположила моя мать.

Преодолевая сильное отвращение, я разорвал рубашку на шее капитана, и обнаружил там ключ, висящий на тонкой просмоленной бечёвке. Это был триумф! Полные надежд мы без промедления поспешили наверх в маленькую комнату, где он жил так долго и где со дня его прибытия стоял его сундук.

Снаружи он выглядел, как и любой другой морской сундук. В центре была выжжена железом большая буква «В», углы были помяты и сбиты, как бывает при длительном и грубом использовании.

– Дай мне ключ, – сказала мать, вставила ключ в замок, и хотя замок был ржав и никогда не смазывался, она со скрипом повернула ключ и в мерцающем свете свечи откинула крышку.

Сильный запах табака ударил изнутри, но сверху ничего не было, кроме очень дорогого костюма, тщательно выглаженного и аккуратно сложенного. По мнению матери, костюм был совершенно не ношенный. Под костюмом мы обнаружили кучу самых разнообразных предметов: квадрант, большую оловянную кружку, несколько палочек табака, пару очень красивых пистолетов, слиток серебра, старые испанские часы и некоторые другие безделушки, малоценные, в основном иностранного производства, пару компасов, декорированных медными вензелями, и пять или шесть причудливых индийских раковин. Позже я часто задавался вопросом, почему он возил с собой эти раковины, при своей бездомной, блуждающей, опасной и разбойной жизни. Тем, не менее, мы не нашли ничего ценного, кроме серебра и безделушек, короче, ничего, что нам было нужно. Под ними лежала старая плащ-палатка, пропитанная морской солью многих пиратских стоянок. Моя мама вынула это с нетерпением, и нашим взорам

предстали последние вещи в сундуке: связка каких-то бумаг, тщательно завёрнутых в клеенку, и холщовый мешок, как мы надеялись, с золотыми монетами внутри.

– Пусть это жульё знает, что я честная женщина! – причитала моя мать, – Я возьму только то, что он нам задолжал! Держи сумку миссис Кроссли. И она стала пересчитывать и перекладывать золото капитана из мешка в сумку, которую я держал. Это было долгое и нелёгкое дело, потому что монеты были всех стран и размеров – дублоны, луидоры и гиней, а также восемь штук совершенно неизвестных, которые мы оценили наугад. Гиней было меньше всего, а моя матушка умела обращаться только с ними. Когда мы пересчитали половину монет, я положил руку на ее руку. Вдруг неожиданно я услышал в тихом морозном воздухе звук, который заставил моё сердце уйти в пятки – постукивание трости слепого на мёрзлой дороге, Стук становился всё слышнее и слышнее, и мы сидели без звука, затаив дыхание. Затем кто-то резко ударил по дверям гостиницы, вероятно палкой а затем мы услышали, как ручка поворачивается, и болт грохочет. Ужасный нищий пытался войти! Потом было долгое молчание как внутри, так и снаружи дома. Наконец стуки возобновились, и, к нашей неописуемой радости и благодарности, медленно замерли вдали.

– Мать, – сказала я, – Берём всё, и – ходу! Я был уверен, что дверь с болтами должна была казаться бродяге подозрительной, и скоро здесь будет жужжать весь выводок шершней, хотя я и возблагодарил небеса за то, что задумался запереть. Меня бы понял любой, кому выпало бы хоть раз в жизни видеть этого кошмарного слепого.

Но моя испуганная мать, никогда бы не согласилась взять больше, чем принадлежало ей, хотя меньшее её явно не устраивало. Она говорила, что нет еще и семи часов, она знает свои права, и никогда не откажется от своего, и она продолжала спорить со мной, пока тихий-тихий свист не прозвучал на холме. Этого было для нас обоих более чем достаточным сигналом.

– Я беру то, что уже пересчитано! – сказала она, вскакивая на ноги.

– А я возьму остальное, чтобы округлить счет! – сказал я, хватая клеенчатый пакет с бумагами.

В следующий миг мы оба бросились вниз, оставив свечу в пустом сундуке; и в следующий миг мы открыли дверь и выскочили на дорогу. Как раз вовремя! Туман быстро рассеивался. Луна сияла над холмами холодным ослепительным светом, и только в низине и вокруг входа в трактир тонкая вуаль тумана все еще висела сплошной пеленой, скрывая первые шаги нашего побега. Гораздо ближе, чем на полпути к деревушке, перед самым холмом, нам предстояло попасть под прямой лунный свет. И это было ещё не все. Звук шагов многих людей уже звучал в наших ушах, и, когда мы оглядывались в их сторону, свет, метавшийся из стороны в сторону и быстро приближающийся, показывал, что у одного из незваных гостей в руках был фонарь.

– Милый мой! – внезапно сказала мама, – возьми деньги и беги! Я сейчас упаду в обморок!

Я понял, что это конец для нас обоих. Как я проклинал трусость соседей, как я обвинял мою бедную мать за ее честность и жадность, за ее прошлую безрассудность и настоящую слабость! По счастливой случайности мы уже были на маленьком мосту, и я помог ей, она шаталась, подобраться к краю берега, где, конечно же, она вздохнула и упала мне головой на плечо. Я не знаю, где я нашел силы, чтобы сделать это вообще, боюсь, это было сделано крайне грубо, но мне удалось проташить ее вниз по берегу и втолкнуть под арку моста. Дальше я уже не мог ее подталкивать, потому что мост был таким низким, там можно было только ползти. Так что мы должны были остановиться – моя мать почти полностью на виду, и мы оба в пределах слышимости.

Глава 5

Конец Слепца

Мое любопытство, в некотором смысле, было сильнее страха, потому что я не мог оставаться под мостом, и быстро выскочил из низины, откуда, из-за кустов, я мог наблюдать за дорогой прямо перед нашей дверью. Едва я успел укрыться, когда мои враги начали прибывать, семь или восемь из них бежали тяжело гремя башмаками по дороге, а человек с фонарем нёсся в нескольких шагах впереди. Три человека бежали вместе, рука об руку; и я увидел, даже сквозь туман, что средний человек этого трио был слепым нищим. В следующий момент его голос продемонстрировал мне, что я прав.

– Ломай дверь! – крикнул он. – Да, да, сэр! – ответили два или три голоса разом. И тут они разом бросились к двери «Адмирала Бенбоу», вслед за фонарщиком. Затем я увидел, как они замолчали, склонились друг к другу и стали шушукаться. Видно было их удивление, когда они увидели открытую дверь. Но пауза была короткой, потому что слепой снова стал выкрикивать свои приказы. Его голос звучал громче и громче, словно он горел от рвения и ярости. – Внутрь! Внутрь! – крикнул он, проклиная их за задержку. Четыре или пять из них ворвались в дом сразу, двое остались на дороге с грозным нищим. Последовала пауза, затем крик удивления, а затем голос, кричавший из дома: «Билл мертв»

– Обыщите его, подлые бездельники, а остальные наверх и найдите сундук! – воскликнул он. Я слышал, как их ноги стучали по нашей старой лестнице, так что дом, должно быть, содрогнулся от грохота их башмаков. Сразу после этого послышались новые звуки изумления, окно комнаты капитана было открыто с хлопком и звоном разбитого стекла, и человек по пояс высунулся на лунный свет и крикнул нищему, стоявшему на дороге прямо под ним:

– Пью! – воскликнул он, – Кто-то был здесь перед нами!

В это мгновение кто-то наверху с грохотом перевернул сундук – «Что там?» – проревел Пью, – Там есть деньги?

– Будь прокляты твои деньги – заорал Слепец, – Я имею в виду бумаги Флинта? – воскликнул он.

– Я не вижу никаких бумаг! – ответил голос.

– Эй, ты внизу, посмотри на Билле? – снова воскликнул Слепой. При этом другой человек, вероятно, тот, кто остался внизу, чтобы обыскать тело капитана, подошел к двери гостиницы.

– Билл уже обыскан, – сказал он, – Ничего у него нет!

– Это люди из гостиницы! – крикнул бродяга.

– Вырви мои глаза! – воскликнул Слепой, – Пью, это тот щенок!

– Не теряйте времени – Я пробовал! Они заперли дверь! Ребята, разойдитесь и найдите мне их!

– Они оставили свою свечу здесь! – сказал человек из окна. – Разойдитесь и найдите их!

Обыщите весь дом! – повторил Пью, лупя палкой по дороге.

Затем последовал час великих испытаний для всей нашей старой гостиницы, тяжелый топот, шаги, стучащие туда и сюда, перевернутая мебель, вывороченные двери — в доме стоял такой грохот, что, казалось, ему отзывались скалы и холмы, пока наконец люди не стали выходить один за другим на дорогу, заявляя, что нас нигде не найти. И тот же свист, который сопровождал мою мать и меня над деньгами мертвого капитана, еще раз отчетливо прозвучал в ночи, повторившись на сей раз дважды. Я думал, что это труба слепого, так сказать, сигнал своей

команде к нападению, но тут я обнаружил, что сигнал идёт от склона, за которым была дере-
вуха, как сигнал предупреждающий пиратов о близкой опасности.

– Это Дирк, – сказал один, – Сигнал подан дважды! Товарищи! Нам нужно бежать!

– Бадж, идиот! – воскликнула Пью, – Дирк всегда был дурак и трус! Не слушайте его! Они должны быть где-то рядом; они не могут быть далеко! У вас руки или что? Откуда они у вас растут? Разделитесь и ищите этих собак!

– О, бедная моя душа! – воскликнул Слепец, – О, если бы у меня были глаза! Этот при-
зыв, казалось, дал какой-то эффект, потому что двое из парней стали рыться здесь и там дров
и потом разбрелись среди деревьев по холму, но, без преувеличения говоря, делали это в пол-
глаза, готовые убежать каждую минуту, когда другие стояли посреди дороги, не зная, что им
делать.

– Идиоты! В ваши руки плывут тысячи, а вы мнётесь, как идиоты! Вы были бы богаты,
как короли, если бы нашли его, и вы знаете, что он здесь, и стоите на месте! Никто из вас
не осмеливался встречаться с Биллом, а я сделал это – слепой! Из-за вас я потеряю всё! Я
должен теперь быть нищим, ползающим в грязи ничтожеством, клянчащим ром, когда я мог бы
кататься в карете! Если бы в вас было хоть что-то человеческое, вы бы их поймали.

– Пью, рассуди, дублоны-то у нас!» – проворчал один.

– Возможно, они спрятали бесценную вещь – сказал другой.

– Возьмите кружки с Георгом, Пью, и не сходи с ума! А вы шныряйте!

Это только подлило масла в огонь. При этих выкриках гнев Пью поднялся до таких
высот, что, наконец, его ярость выплеснулась наружу и он стал наносить дикие удары направо
и налево, в результате чего его палка благословила некоторых из пиратов довольно сильно.

Они, в свою очередь, проклинали слепого злодея, ужасно угрожали ему и тщетно пыта-
лись поймать летающую палку и вырвать ее из его рук.

Эта ссора была спасением нас, потому что, пока она бушевала, с вершины холма со сто-
роне деревушки раздался еще один звук – топот скачущих лошадей. Почти в то же мгновение
из-под изгороди кто-то выстрелил из пистолета и все увидели вспышку. И это было, очевидно,
последним сигналом опасности, потому что пираты сразу же повернулись и стали разбежаться
во все стороны, один побежал в сторону моря вдоль бухты, один дунул через холм и кусты,
так что через полминуты не было признака, что тут вообще кто-то был, кроме Пью. Его бро-
сили, из-за паники или из мести за его жестокие слова и удары, я не знаю, одно верно, он один
остался, исступлённо прыгая вверх и вниз, бешено стуча палкой по дороге и призывая помощь
своих неверных товарищей. Наконец он окончательно потерял ориентацию, В несколько шагов
проскакал мимо меня и устремился по направлению в деревушке, жалобно голося:

– Джонни, Черный Пёс, Дирк! (Он выкрикивал и другие имена, как будто читал святцы
в церкви) Вы же не оставите старого Пью, братцы, родненькие, вы же не покинете ста-
рину Пью!?

В этот момент шум лошадей уже слышался на подъеме холма, и четыре или пять всадни-
ков показались на вершине холма, озарённые ярким лунным светом. Они пронеслись полным
ходом по склону.

Тут Пью понял свою катастрофическую ошибку, повернулся на каблуках и с птичьим
криком побежал прямо к канаве, в которую недолго думая и свалился. Но через секунду он
снова вскочил на ноги и сделал еще один рывок, и совершенно сбитый с толку, куда бежать,
оказался прямо под брюхом ближайшей лошади.

Всадник попытался предотвратить наезд, но тщетно. Пью рухнул на землю с отчаянным
птичьим криком, который вознёсся до самой глубины безжалостных ночных небес; и четыре
копыта растоптали, смяли, отбросили его прочь и пролетели мимо. Он упал на бок, затем мед-
ленно перевернулся навзничь и замер.

Я вскочил на ноги и истошно окликнул всадников. Как бы то ни было, перепуганные этим ужасным происшествием, они тотчас же спешили и я узнал их. Один, скакавший сзади, оказался тем самым парнем, который гнал из деревни к доктору Ливси; остальные были налоговыми инспекторами, с которыми он повстречался в пути, и которых догадался прихватить себе на помощь. Некоторые известия о шхуне в Китовой Дыре ещё ранее доходили до таможенного инспектора Данса, и он направился в ту ночь к нашей гостинице, чему моя мать и я были обязаны нашим неожиданным спасением от смерти.

Пью был мертв. Он был мертвее камня на дороге. Что касается моей матери, то когда мы отвезли ее в деревню, немного холодной воды и соли вскоре вернули ее к жизни. Несмотря на весь перенесённый ею ужас, она не переставала сожалеть о потере части причитающихся нам денег. Тем временем налоговый инспектор скакал так быстро, как только мог, в Китову Дыру; но его люди должны были спешиться и спускаться вниз по холму, ведя и иногда поддерживая своих лошадей и постоянно опасаясь засады, так что не удивительно, что, когда они добрались до Дыры, шлюп уже ушел, хотя по всей видимости был все еще близко. Данс окликнул находившихся на судне. Бодрый голос из темноты ответил советом держаться подальше от лунного света, если окто не желает получить гарантированную порцию самого отборного йоркширского свинца, какой ещё есть на свете. И в то же мгновение пуля просвистела у его руки. Вскоре после этого корабль превратился в точку и исчез. Мистер Данс стоял там, как он позднее выразился, «как рыба, вынутая из воды», и все, что он мог сделать, это отправить человека в В -, дабы был выслан одномачтовик для преследования шустрых контрабандистов.

– И это, – сказал он, – Лучше, чем ничего! Они убрались восвояси! Таков конец! Всего лишь! – добавил он, – Но я рад, что наконец прошёлся по любимым мозолям мастера Пью!

К этому времени он уже слышал мою историю. Я вернулся с ним к «Адмиралу Бенбоу», и вы не можете представить себе, в каком состоянии предстал перед нами наш дом: даже часы были сброшены и раздавлены этими парнями в их яростной охоте за мной и моей мамой; и хотя почти ничего на самом деле не было украдено, кроме капитанского денежного мешка и мелких серебряных монет с конторки, я сразу понял, что мы разорены в в пух и прах. С этим не мог сделать ничего даже великий мистер Данс.

– Они взяли деньги, вы говорите? Ну, тогда, Хокинс, в чём причина? Они искали что-то, кроме денег? – спросил он.

– Нет, сэр, – ответил я, – я думаю, они искали не деньги... На самом деле, сэр, я полагаю, они искали предмет, который лежит у меня в нагрудном кармане и, честно говоря, я хотел бы найти для него более безопасное место!

– Конечно, мальчик! Совершенно верно! – сказал он, – дай его мне, если хочешь!

– Я думаю, что, возможно, будет доктор Ливси, – начал я.

– Совершенно верно, – прервал он меня очень весело, – совершенно верно – джентльмен и магистрат. И теперь, когда я думаю об этом, я мог бы сам съездить туда и сообщить ему или сквайру. Мастер Пью мертв, обойдёмся на сей раз без соболезнований, не о чем сожалеть об этом, но он мертв, понимаете, и люди будут разбираться, не виновник ли всего таможенный инспектор его величества. Слушай, Хокинс, если у тебя появится желание, я отвезу тебя!

Я сердечно поблагодарил его за это лестное предложение, и мы вернулись в деревню, где были уже готовые к выезду лошади. К тому времени, как я рассказал матери о цели моей поездки, все уже были в седле.

– Доггер, – заметил мистер Данс, – у тебя хорошая лошадь, посади этого малыша за собой!

Как только я уселся, держась за пояс Доггера, ведущий дал команду, и кампания прыгающей иноходью затрусила по дороге к дому доктора Ливси.

Глава 6

Документы Капитана

Мы понеслись во весь опор, и остановились у дверей дома доктора Ливси. В доме было темно. Господин Данс посоветовал мне спрыгнуть с лошади и постучать в дверь, и Доггер подставил стремена, дабы легче было спуститься на землю. Служанка почти сразу открыла дверь.

– Дома ли доктор Ливси? – спросил я.

– Нет, – сказала она, – он вернулся домой днем, но пошел в зал, чтобы пообедать и провести вечер с сквайром.

– Итак, мы едем к ним, ребята, – сказал мистер Данс.

На сей раз расстояние было коротким, и я не садился в седло, а побежал, уцепившись за стремя, рядом с лошадей Доггера к воротам ложи и дальше вверх по длинной, безлистной лунной аллее, упиравшейся в большое белое здание усадьбы, с двух сторон окружённое старыми садами. Здесь мистер Данс спешился и, взял меня с собой, одним словом. был принят в дом. Слуга привел нас коридором по матовому ковру и показал нам вход в большую библиотеку, всю заставленную книжными шкафами с бюстами наверху. Здесь-то и сидели сквайр и доктор Ливси, с трубками в руках, по обе стороны жаркого горевшего очага. Я никогда не видел сквайра так близко. Он был высоким мужчиной более шести футов роста с широкими плечами. На его крупной шее сидело широкое, одутловатое грубо сработанное лицо, покрасневшее и задублённое в долгих и нелёгких походах. Брови его были очень черными и подвижными, и это придавало ему вид, нет, не плохой, как вы бы наверно сказали, но скорее резкий и высокомерный.

– Входите, мистер Данс! – возгласил он очень величественно и снисходительно.

– Добрый вечер, Данс! – кивнул доктор, – И тебе, друг Джим, добрый вечер! Каким благословенным ветром занесло вас сюда?

Таможенный инспектор вытянулся по швам и отрапортовал свою историю как заученный наизусть урок, и вам следовало бы видеть, как эти двое джентльменов, наклонились вперед и постоянно оборачиваясь друг на друга от любопытства даже забыли о своих трубках. Когда они услышали о том, как моя мать вернулась в гостиницу, доктор Ливси с довольным видом ударил себя по ляжке, а сквайр закричал «Браво!» И при этом сломал свою длинную трубку о решетку. Впрочем, ещё задолго до этого мистер Трелони (как ты помнишь, таково было имя сквайра) встал со своего места и шагал по комнате, и доктор, как бы для того, чтобы лучше слышать, снял с себя парик и сидел в кресле, выглядя очень странно, с его собственной коротко остриженной черной шевелюрой. Наконец мистер Данс закончил рассказ.

– Мистер. Данс, – сказал наконец сквайр, – вы очень благородный человек. А что касается наезда на этого черного, зверского злоумышленника, я считаю это актом несомненной добродетели, сэр, подобного тому, как мы давим тараканов. Что спорить, этот парень, Хокинс – козырь, а не парень! Хокинс, не позвонишь ли ты в этот колокольчик? Мистер Данс должен-таки испытать свою кружечку эля.

– И вот, Джим, – сказал доктор, – у вас теперь есть то, что им нужно до зарезу, не так ли?

– Точно так, сэр, – сказал я и подал ему пакет с бумагами. Врач осмотрел пакет с такой осторожностью, как будто у него были острые зубы, и кажется, даже испытывал намерение открыть его; но вместо этого он сдержался и тихо положил его в карман пальто.

– Сквайр, – сказал он, – когда у Данса закончится эль, он, конечно, должен будет вернуться на службу у его величества. Я хочу удержать Джима Хокинса здесь, чтобы он остался

ночевать в моем доме, и, с вашего позволения, я предлагаю, чтобы был подан холодный пирог, и Джим поддержал нашу компанию.

– Ещё бы, Ливси», – сказал сквайр, – Хокинс заслужил больше, чем холодный пирог.

Итак, большой пирог с голубями был торжественно и поставлен на стол, и я устроил себе роскошный ужин. Я был голоден, как ястреб, в то время как мистер Данс после новых похвал, наконец, удалился.

– Ох, и, сквайр! – сказал доктор.

– Ох, и доктор! – сказал сквайр на одном дыхании.

– По одному, по одному! – смеялся доктор Ливси, – Одним словом... Вы слышали об этом Флинте, я полагаю?

– Слышал о нем! – воскликнул сквайр, – Слышал о нем, говорите вы! Он был кровожадным пиратом, который плавал. Черная Борода младенец рядом с Флинтом. Испанцы настолько испугались его, что, говорю вам как на духу, сэра, я иногда гордился, что он англичанин. Я видел наверху его парусов близ Тринидада, и наш трусливый капитан корабля, на котором я отплыл, вернулся, сэра, в Порт-оф-Спейн.

– Ладно, я слышал о нем и здесь, в Англии, – сказал доктор, – Но дело в том, были ли у него деньги?

– Деньги? – воскликнул сквайр, – Вы слышали эту историю? Кем были бы эти злодеи без денег? И о чём они пекутся, кроме денег? Для чего они рискуют своим шакальём, как не для денег?

– Это мы скоро узнаем, – ответил доктор, – Но вы так комично горячитесь и буяните, что слова не даёте вставить. А я хочу знать следующее: предположим, что у меня в кармане есть ключ к тому, где Флинт зарыл свое сокровище. Так вот, велики ли эти сокровища?

– Велики! Ой как велики! – воскликнул сквайр, и похоже, был близок к тому, чтобы широко развести руки, показывая размер пиратских сокровищ, – Это будет равносильно вот чему: представьте, что у нас есть ключ, о котором вы говорите! Если это на самом деле так, я сразу открываю свой кошелек и на свои деньги выстрою корабль в доке Бристоля и вместе с вами и Хокинсом отправлюсь на поиски этого сокровища, даже если искать его придётся целый год.

– Хорошо! – сказал доктор, – Итак, если Джим согласен, мы откроем пакет!

И он положил его перед ним на стол. Пакет со всех сторон был зашит нитками, и доктор должен был вытащить ящик с инструментами, чтобы разрезать швы медицинскими ножницами. В нем было две вещи – амбарная книга и запечатанная бумага.

– Прежде всего, мы посмотрим книгу! – заметил доктор.

Сквайр и я, мы оба заглядывали через его плечо, когда он открыл книгу, потому что доктор Ливси любезно позвал меня, чтобы я вышел из-за стола, за которым я ел, чтобы насладиться видом раскрытой тайны. На первой странице были только кривые почеркушки, какие человек с ручкой в руке мог сделать из праздности или для практики. Одна из этих каракуль из них была такой же, как и татуировка, «Билли Бонс – Счастливого Пути!», здесь был «г-н Б.. Бонс, штурман», «Хватит рому!», «У. Палм Кей, он получил всё!», и некоторые другие обрывки, в основном одиночные слова и непонятные рисунки. Я не мог не спросить, кто это, тот, кто «получил это», и что это было — то, что он получил. Не финку ли в спину случайно?.

– Там мало пояснений, – сказал доктор Ливси, когда проходил мимо.

Следующие десять или двенадцать страниц были заполнены любопытной серией записей. На одном конце строки была дата, а с другой – сумма денег, как в обычных бухгалтерских книгах, но вместо пояснительной записки было только различное количество крестов между ними. 12 июня 1745 года, например, сумма в семьдесят фунтов появилась в сопровождении ничем не объяснённых шести крестов. В некоторых случаях, конечно, по какой-то причине добавля-

лось название места, как «Подле Каракаса» или просто запись широты и долготы, в духе «62о 17 '20», 19о 2» 40».

Записи охватывали почти двадцать лет жизни капитана, указанные в строках суммы с течением времени быстро росли, и иногда заканчивались сальдо после пяти или шести неправильных и зачёркнутых дополнений.

– Я ничего не понимаю в этой абракадабре! – сказал доктор Ливси.

В конце же этих арифметических метрик, словно по просьбе доктора Ливси были добавлены три слова: «Бонс, его доля».

Эти добавления объяснили мистеру Ливси почти всё.

– Дело так же ясно, как божий день! – крикнул сквайр, – Это учетные записи чёрных делишек этих проходимцев. Кресты обозначают имена кораблей или городов, которые они затопили или разграбили. Суммы – это доля этого негодяя в общем деле, и там, где он боялся двусмысленности, вы видите, он добавил что-то более прозрачное. «Подле Каракаса», теперь вы видите, что какой-то несчастный корабль пристал к этому берегу. Да поможет господь Бог бедным душам, которых прекрасно пристроили – под коралловые рифы.

– Верно! – сказал доктор, – Учитесь! Вот, что значит быть настоящим путешественником. Правильно! По мере того, как он повышался по службе, сумма увеличивалась кратно. В книжке больше ничего не было, за исключением нескольких ориентиров и мест, отмеченных на пустых листах и таблицы для перевода французских, английских и испанских денег в звонкую валюту.

– Какой рачительный тип! – закричал доктор, – Видите ли, он не желает быть обманутым!

– А теперь, – сказал сквайр, – Посмотрим, что у нас на десерт!

Бумага была запечатана в нескольких местах с помощью печати, сделанной наперстком, это был тот самый наперсток, который я нашел в кармане капитана. Доктор осторожно сломал печать, конверт открылся и из него выпала карта какого-то острова с широтой и долготой, морскими глубинами в бухтах, названиями холмов и заливов, и множеством тех мелких деталей, какие могут понадобиться, чтобы доставить судно в безопасную и удобную гавань. Остров было около девяти миль в длину и пять в поперечнике, как вы могли бы видеть, своим видом напоминал толстого дракона, стоявшего на задних лапах. Он имел две прекрасные гавани на суше и холм в центральной части с надписью «Подзорная Труба». Было несколько добавлений, сделанных явно позднее, и, прежде всего, три креста красными чернилами – два в северной части острова, один на юго-западе – и рядом с этим последним, в тех же красных чернилах, но очень мелким и очень изящным почерком, очень отличным от подписей капитана, было написано:

«Здесь Все сокровища».

На обратной стороне та же рука написала дополнительную информацию:

«Высокое дерево, плечо подзорной Трубы, с N. N.N.E. Скелетный остров E.S.E. и Э. Десять футов. Серебряные слитки находятся в северном захоронении; можно найти по направлению восточного пригорка, десять саженей к югу от Черной Скалы с лицом на неё. оружие легко обнаруживаются на песчаном холме, С. Оконечности северного берега, направить к В. и четверть румба к С..»

Вот и всё. Короче говоря, я ничего не понял в этих записях, хотя сквайр и доктор Ливси пришли от них в полный восторг.

– Ливси, – сказал сквайр, – Если нам повезёт, вы сразу же можете отказаться от своей грошовой практики. Зачем она вам нужна, если ваши карманы отваливаются от золотых? Завтра я отбываю в Бристоль. Через три недели – три недели! – нет, две недели – нет, через десять дней – у нас будет лучший корабль, сэр, и самая отборная команда в Англии. Хокинс будет юнгой! Хокинс, ты будешь великим юнгой. Вы, Ливси, станете судовым врачом! Я – адмирал.

Мы возьмем Редрута, Джойса и Хантера. Вместе с нами помчатся благоприятные ветры. Мы быстро будем там, легко найдём и добудем сокровища! У нас будут деньги, будут золотые чтобы есть, кутить, бросаться ими или даже утонуть в них!

– Трелони, – сказал доктор, – я поеду с вами, и я заслужу ваше доверие! Есть только один человек, которого я боюсь.

– И кто это? – воскликнул сквайр, – Назовите этого пса, сэр! -Вы! ответил доктор, – Потому что вы не умеете держать язык за зубами. Мы не единственные, кто знает про эти бумаги. Эти ребята, которые разгромили сегодня гостиницу – смелые, отчаянные парни, наверняка, и остальные, которые остались на борту этого парусника, и, более того, я, смею предположить, и многие другие – все они, толстые и тонкие, мечтают захватить эти сокровища. Мы никогда не должны ходить поодиночке, пока не доберемся до моря. Мы с Джимом останемся здесь, вы вместе с Джойсом и Хантером отправитесь в Бристоль. И никогда и нигде никто из вас не должен проронить ни слова о том, что мы нашли!

– Ливси, – ответил сквайр, – вы всегда оказываетесь правы! Я буду молчать, как могила!

Часть Вторая. МОРСКОЙ КОК

Глава 7

Я еду в Бристоль

Однако все наши планы подготовки к морскому путешествию потребовали гораздо больше времени, чем предполагал сквайр. К тому же ни один из наших первоначальных планов не мог быть выполнен, как предполагалось изначально. Доктору Ливси пришлось ехать в Лондон, чтобы найти другого врача, способного взять на себя ответственность за его врачебную практику. Сквайр тяжело работал в Бристоле. Я жил в зале под присмотром старого егеря Редрута, почти в заключении, но полный волшебных мечтаний о чудесных островах и приключениях. Часами я просиживал над картой, и надо сказать, в конце концов вызубрил её наизусть. Когда я сидел у очага в комнате управляющего, моя фантазия уносила меня к этому острову разными путями. Я исследовал в своём воображении каждый клочок его поверхности, я тысячу раз поднимался на высокий холм, который они называли «Подзорной Трубой», и с вершины наслаждался самыми причудливыми и часто меняющимися видами таинственного острова. Порой остров был захвачен дикарями, с которыми мы постоянно сражались, иногда населён дикими животными, которые охотились на нас, но все мои феерические фантазии в конце концов поблекли, когда странные и трагические стали воплощаться в жизнь.

Недели проходили за неделями, и в один прекрасный день пришло письмо, адресованное доктору Ливси, с припиской на конверте:

«В случае отсутствия доктора Ливси открыть Тому Редруту или молодому Хокинсу».

Повинуясь этому приказу, мы мы открыли конверт и прочли, или, точнее, я прочёл – (егерь едва мог прочитать текст на печати) о следующих важных новостях:

«Таверна «Старый Якорь», Бристоль, 1 марта, 17 —

Дорогой Ливси. Поскольку я не знаю, находитесь ли вы в зале или еще в Лондоне, я отправляю два письма в места, где вы можете находиться.

Корабль куплен и оснащён. Он стоит на якоре, готовый к морскому плаванию. Вам никогда не вообразить шхуну лучше этой – любой ребенок мог бы шутя управлять ей – водоизмещение её – двести тонн, имя «Эспаньола».

Я добыл её благодаря моему другу Бландли, который показал себя на протяжении всего дела ловким предпринимателем. Он восхитительный парень, трудившийся на благо нашего дела, как галерный раб. В дополнение я могу сказать, что все в Бристоле, кто был извещён о местах куда мы направляемся, не отказывали мне в поддержке...»

– Редрут, – сказал я, прерывая чтение письма, – Что-то подсказывает мне – это не понравится доктору Ливси. Сквайр оказался болтуном!

– Ну, а кто более прав? – прорычал егерь, – Кто сказал, что сквайр должен слушаться мнения какого-то доктора Ливси?.

При этом я отказался от комментариев и прочитал дальше:

«Блэндли сам нашел Эспаньолу, и самым удивительным образом забрал ее за сущие гроши. В Бристоле есть класс людей, чудовищно настроенных против Бландли. Они продолжают распространять сплетни, что этот честнейший из смертных способен на что угодно ради денег, что ему принадлежала Эспаньола, и что он продал её мне по абсурдно завышенной цене – это грязная клевета. Однако никто из них не осмеливается отрицать достоинств корабля. До сих пор ни в чём не было заминки. Рабочие, сказать правду, были изрядные лентяи, и поэтому оснастка корабля шла медленно; но скоро, слава богу, всё закончилось. Меня беспокоила команда. Я хотел, чтобы нанять две дюжины настоящих мужчин – для отпора туземцам, пиратам или французикам – и я был в великом беспокойстве, потому что удалось найти всего шесть человек. Но Кажется сама Фортуна побеспокоилась о нашем деле – я встретил человека, который всё сам устроил. Совершенно случайно столкнулся с ним в порту, и мы очень хорошо поговорили. Он оказался старым морским волком, знающим морское дело до мельчайших деталей. Он давно поселился на берегу, держит трактир в Бристоле, и знаком с большинством здешних моряков. Теперь, в зрелом возрасте, растеряв на берегу здоровье, он ищет возможность снова вернуться в море в качестве судового кока. Это было так трогательно – он сказал мне, что в то утро вышел в порт только для того, чтобы ощутить запах морской соли.

Я был чудовищно тронут, вы бы тоже не устояли, и, из чистой жалости, я нанял его на месте корабельным поваром на наш корабль. Дылда Джон Сильвер, как он назвался, когда-то потерял ногу; но я рассматривал это как лучшую рекомендацию, поскольку он потерял ее на службе нашей стране под предводительством бессмертного адмирала Хоука. И у него нет пенсии, Ливси! Представьте, в какие отвратительные времена мы живем! Ну, сэр, я только успел обрадоваться, что нашел повара, а оказывается – неожиданно обзавёлся целой командой. Вместе с Сильвером мы собрали всего за несколько дней компанию самых тёртых морских волков, какие только можно сыскать – у них суровые, не очень красивые лица, но ребята, это люди самого неукротимого духа! Я заявляю, что с такой командой мы можем сражаться хоть с целым фрегатом! Долговязый Джон даже помог мне избавиться от двух из шести или семи, которых я уже нанял к тому времени. Он мгновенно доказал мне, что это – жалкие пресноводные пескари, от которых мало пользы в серьёзном походе и надо поскорее избавиться. Я нахожусь в самом великолепном расположении духа, и на здоровье не жалуясь, ем как бык, сплю, как дуб, но я не буду до конца счастлив, пока я не услышу, как мои старые морские волки не забегают вокруг корабельного ворота, и первый раз не заскрипят упругие корабельные снасти, когда корабль не покажет гавани корму! К чертям сокровища!! Морской ветер, хо! Море, славное море, а не сокровища, сносят мою голову! Ливси! Если в вас есть хоть капля уважения ко мне, скорее бросайте свои делишки и приезжайте скорей! Пусть юный Хокинс без промедления попрощается с матерью, приставьте к нему с Редрута для охраны; и затем оба на всех скоростях пусть дуют до Бристоля. Жду Вас с нетерпением! Джон Трелони.

P.S. Я не сказал вам, что Блэндли, который, кстати, должен отправить супругу за нами, если мы не появимся дома к концу августа, нашел замечательного парня на должность капитана – жесткого человека, который как я полагаю, во всех остальных отношениях есть настоящее сокровище.

Дылда Джон Сильвер обнаружил очень компетентного человека для помощника капитана по имени Эрро. А у меня, Ливси, теперь есть свой боцман, который заправски трубит на трубе; на борту нашей великолепной «Эспаньоле» все должно быть по-человечески. Я забыл сказать вам, что Сильвер – человек не бедный. Я знаю, что знаю, что у него есть счет в банке, который только увеличивается. Он оставляет жену управлять гостиницей; и, поскольку она женщина в цвету, пару старых холостяков, таких как вы и я, могут быть извиниться за то, что угадали, что это жена, в той же степени, что и здоровье, отправляет его обратно в путешествие.

P.P.S. – Хокинс может остаться на ночь с матерью. Д. ТЁ».

Вы можете представить себе волнение, которое я испытал при чтении этого письма. Я был вне себя от ликования, и если когда-либо я презирал кого-то, то это точно был старый Том Редрут, который не был способен ни на что иное, кроме бесконечного нытья и скулежа. Любой из помощников егеря с радостью поменялся бы с ним местом. Но таково было решение сквайра, а решение сквайра, равно как и наслаждение сквайра было похоже на закон для всех. Никто, кроме старого Редрута, не посмел бы даже ворчать! На следующее утро мы с ним отправились пешком к «Адмиралу Бенбоу», и там я нашел свою мать в добром здравии и хорошем расположении духа. Капитан, который так долго был причиной такого сильного дискомфорта, провалился туда, где обретаются все нечестивые. Сквайр за свой счёт позаботился о приведении нашего дома в порядок, отремонтировал гостиную и перекрасил фасад, У нас даже появилась кое-какая новая мебель – прежде всего – в баре – красивое кресло для матери. Он нашел ей помощника, чтобы она легче справлялась с делами, пока меня не было. Когда я увидел этого мальчика, я впервые понял, что мне предстоит. До сих пор только видения предстоящих приключений стояли передо мной, а не родной дом, который я должен был покинуть; и теперь, увидев этого неуклюжего незнакомца, который шустрит на моем месте рядом с моей матерью, у меня полились слёзы из глаз. Боюсь, что я обращался с ним как с собакой, потому что он был новичком в деле, у меня было тысячи способов осадить его или сбить с толку, чем я безбожно пользовался.

Минула ночь, и на следующий день, после обеда, мы с Редрутом снова вышли на дорогу. Я попрощался с матушкой, бросил последний взгляд на бухту, где жил с самого рождения, раскланялся с дорогим моему сердцу старым «Адмиралом Бенбоу». Он, хотя и обновлённый, перекрашенный, был мне уже не так мил, как прежде. Одна из моих последних мыслей была мысль о капитане, который так часто гулял по пляжу в своей треуголке, со щечкой, раненой чьей-то саблей, и его старой латунной подзорной трубой. Через мгновение мы повернули за угол, и мой дом скрылся из виду.

Уже в сумерках у трактира «Королевский Джордж» мы погрузились в почтовый дилижанс.. Меня вклинило между Редрутом и старым толстым джентльменом, и, несмотря на стремительное движение и холодный ночной воздух, я, должно быть, сразу задремал, а потом спал всё время, пока дилижанс то опускался вниз в долину, то поднимался на возвышенность, и таким образом проспал все остановки. Я проснулся от сильного тычка в бок, и я открыв глаза, обнаружил, что мы стоим перед большим зданием на городской улице и что этот день уже давно на исходе.

– Где мы? – спросил я.

– В Бристоле! – сказал Том, – Слезай!

Резиденция мистера Трелони располагалась в гостинице, подальше от доков, чтобы можно было следить за работой на шхуне. Теперь нам предстояло было идти, и наш путь, к моему великому восторгу, лежал вдоль причалов и рядом с огромным множеством кораблей всех размеров, цветов и конфигураций. Водном из них матросы распевали песни, в другом лазили толпой по шкантам так высоко над моей головой, что казались ползающими по сети

паучками. Хотя я всю жизнь жил на берегу моря, я понимал, что по-настоящему никогда не видел моря. Запах смолы и соли теперь был чем-то новым для меня. Я видел на носах самые замечательных фигуры, избороздившие океан вдоль и поперёк. Передо мной было много старых моряков, с кольцами в ушах, с усами и косичками на голове, разгуливавшими вокруг вразвалку, заворачивающей, неуклюжей походкой, и если бы я вдруг увидел ещё больше королей или архиепископов, я не был бы более в восторге, чем сейчас.

Мне самому предстояло отправиться в море на настоящей шхуне, с боцманом, который будет трубить в трубу, с матросами, горланящими громкие песни, быть в море, прочерчивать маршруты к неизвестному острову и искать на нём и раскапывать клад с несметными сокровищами в нём!

Пока я пребывал в этом восхитительном сне, мы внезапно предстали перед большой гостиницей и столкнулись с Сквайром Трелони, одетым, как морской офицер, в толстом синего цвета кителе, выходящим из двери с улыбкой на лице и ловкой имитацией косолапой матросской походки.

– Вот вы где! – воскликнул он, – Ещё вчера вечером доктор прибыл из Лондона! Браво! Судно готово!

– О, сэр! – воскликнул я, – Когда мы отплываем?

– Когда мы отходим? – засмеялся он, – Завтра!

Глава 8

«Подзорная Труба»

Во время завтрака сквайр подал мне записку, адресованную Джону Сильверу, в трактир «Подзорная Труба», и сказал, что я легко найду это место, следуя вдоль доков и высматривая маленькую таверну с большим латунным телескопом на вывеске. Я с радостью отправился в путь, чтобы ещё и ещё раз видеть корабли и моряков. Мой путь лежал среди огромной толпы людей, телег и тюков, док теперь был самым оживленным портом в округе, и я наслаждался дорогой, пока я не нашел таверну, о которой уже говорил.

Это было вполне уютное место для развлечений. Знак был недавно покрашен; в окнах висели аккуратные красные шторы, пол был тщательно отшлифован и покрыт лаком. Её фасад выходил на две соседние улицы, и на обеих сторонах дверь была открыта настежь. Сквозь двери была видна довольно большая и очень светлая комната, несмотря на клубы дыма, наполнявшие её.

Клиенты были в основном моряками, и они вопили внутри так громко, что я завис у двери, не решаясь войти внутрь.

Пока я мялся в ожидании, из боковой комнаты вышел человек, и с первого взгляда я был уверен, что он и есть Дылда Джон. Его левая нога была обрезана по самое бедро, он опирался на костыль под левым плечом, и с этим костылём он справлялся с невероятной ловкостью, прыгая на нем, как птица. Он был очень высок и по виду необычайно силён, с лицом, размером с окорок, плоским и бледным, но при этом умным и улыбающимся. В самом деле, когда он, насвистывая, шёл от стола к столу, с веселым словом или похлопыванием по плечу, вероятно, его добрых друзей, от него исходил жизнерадостный и лёгкий дух. Теперь скажу вам истинную правду – с самого первого упоминания Дылды Джона в письме Сквайра Трелони я думал, что он может оказаться ещё одним одноногим чудовищем, какого мне пришлось наблюдать в лице старика Бенбоу. Но одного взгляда на этого человека мне было достаточно, чтобы развеять все мои самые худшие подозрения. Я видел капитана и видел Черного Пса, видел слепца Пью, и я полагал, что прекрасно теперь знаю, как выглядит пират – это были совсем другие персонажи, чем этот чистый и вполне доброжелательный хозяин.

Я набрался мужества, переступил порог и подошел прямо к этому человеку. Когда он вёл беседу с клиентом, опёршись на свой костыль.

– Мистер. Сильвер, сэр? – спросил я, протягивая ему записку.

– Да, мой мальчик, – сказал он уверенно, – Таково мое имя! А вы кто, если не секрет?

Однако увидев письмо сквайра, он, как мне показалось, казалось, вздрогнул.

– О! – сказал он довольно громко и протянул руку, – Я вижу! Ты наш новый юнга, рад, что могу тебя лицезреть!

И он с силой сжал мою руку в своём огромном твердом кулаке. В тот момент один из посетителей в дальнем конце зала внезапно поднялся и стремительно направился к выходу. Дверь была рядом с ним, и он мгновенно выскочил на улицу. Но его поспешность не могла не привлечь мое внимание, и я тотчас узнал его. Это был тот беспальный с сальным лицом, который первым приковылял к «Адмиралу Бенбоу».

– О! – крикнул я, – остановить его! Это Черная Пёс!

– Мне все равно, кто он, – воскликнул Сильвер, – Но он не заплатил по счету! Гарри, беги и поймай его!

Один из тех, кто был ближе к двери, вскочил и помчался следом за беглецом. — Будь бы он хоть адмиралом Хоуком, он должен платить по счёту!», — воскликнул Сильвер, и затем, отбросив мою руку, спросил:

– Ты сказал, как его зовут? – Чёрный что?

– Пёс, сэр! – ответил я, – Мистер Трелони разве не рассказал вам о пиратах? Этот был одним из них.

– Да? – воскликнул Сильвер, – В моем доме! Бен, беги и помоги Гарри! Одна из этих крыс, не так ли? Это ты пил с ним, Морган? Иди сюда!

Человек, которого он назвал Морганом – старый, седовласый матрос- смущенно вылез из-за стола, выплюнув изо рта жвачку.

– Теперь, Морган, – строго сказал Длинный Джон, – ты никогда раньше не видел в глаза этого Черного Пса, не так ли?

– Не я, сэр! – сказал Морган, приветливо улыбаясь.

– Ты не знали его имени, не так ли?

– Нет, сэр!

– Твоё счастье, Том Морган, тебе страшно повезло! – воскликнул хозяин, – Если бы ты был замешан в этом деле, ноги твоей не было бы в моём доме, заруби себе это на носу! И что он сказал тебе?

– Я не помню, сэр, – ответил Морган.

– И ты рискуешь называть то, что у тебя на плечах, головой? Или это у тебя там мертвый глаз? – воскликнул Лонг-Джон, – Не знаю, не помню! Может быть, ты и сейчас не в курсе, с кем разговариваешь? Открывай челюсть, рассказывай всё! Труба вверх! Что это было?

– Мы разговаривали о протягивании под килем. – ответил Морган.

– Протягивании под килем, не так ли? Ну и разговорчики вы там затеяли! Иди на своё место, дуралей Том!

И затем, когда Морган вернулся на свое место, Сильвер добавил мне конфиденциальный шепотом, для меня очень лестным, как я думал: «Он довольно честный человек, этот Том Морган, но дурачок. И теперь, – продолжал он снова, вслух, – вспомним-вспомним... Черный Пёс? Нет, я не слышал такого имени, не слышал! Но я думаю, что я... да, я кажется видел эту крысу. Он, кажется, приходил сюда с каким-то слепым нищим,...

– Наверняка так оно и было! – вскричал я, – Я тоже знал этого слепого. Его звали Пью!

– Да, вспомнил! Это было! – воскликнул Сильвер, как будто бы волнуясь, – Пью! Точно! У него было такое имя! Да, у него была морда, как у акулы, он это был! Если мы схватим этого Черного Псину, у нас будут хорошие новости для капитана Трелони! Бен – хороший бегун! Не много моряков бегают лучше, чем Бен. Он должен свалить его с ног, взять силой! Так он говорил о казни – протягивании через киль, не так ли? Я этого пса протяну!

Все то время, пока он разглагольствовал и разбрасывал вокруг себя эти фразы, он громко топал вверх и вниз по таверне на костылях, бил ладонями по столам и был так артистично возбуждён, что убедил бы даже самый пристрастный суд в Олд-Бейли, не говоря уже о доверчивых лондонских полицейских. Мои подозрения были сразу пробуждены появлением Чёрного Пса в «Подзорной Трубе», и я внимательно наблюдал за поваром. Но он был слишком скрытен, слишком опытен и слишком умён для меня, и к тому времени, когда двое мужчин, задохнувшись от бега, сообщили, что потеряли Чёрного Пса в толпе, за что были жестоко изруганы, как последние воры, я бы дал любой залог за абсолютную невиновность Долговязого Джона Сильвера.

– Смотри сюда, Хокинс, – жутко жестикулируя, сказал он, – вот незадача для такого человека, как я, не так ли? Что подумает обо мне капитан Трелони? Здесь у меня столовался этот проклятый голландец, нагло рассаживал в моем доме, лакал мой сладкий ром! Потом вы приходите и рассказываете мне об этом; и здесь я позволил ему благополучно слинять прямо под

моим носом, вах-вах-вах, ну как я мог так лохануться? Какой я простофиля, однако! Теперь, Хокинс, не подводи меня перед капитаном! Ты ведь парень молодой, но совсем не дурак, как я вижу! Ты очень смыслённый мальчик! Я это понял, только ты сюда нос засунул! Теперь вот что...прошу тебя – скажи капитану... ну что я мог сделать, с этой старой колодой на ноге, я едва на ней держусь, сообрази сам, разве я могу бегать на ней, как заяц за псом? Эх, молодость! Да будь я молоденьким матросом, а я был классный матрос, я бы только руку протянул и тут же сцапал бы этого мерзавца, схомутал бы на раз-два, я бы его на вертел насадил... А сейчас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.